

БРАНДТ Б. Г. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БРАНДТ Герман Германович, родился в 1876. В 1903 — окончил Петербургский университет, занимался педагогической деятельностью, в 1930-х — преподавал математику в Техникуме соляной промышленности. Женат на Ксении Васильевне Брандт, в семье — сын Борис. В марте 1935 — выслан с женой и сыном из Ленинграда в Саратов на 5 лет.

БРАНДТ (урожд. Вяхирева) Ксения Васильевна, родилась в 1880-х (отец, Вяхирев Василий Васильевич, преподаватель и директор реального училища, действительный статский советник). Окончила Высшие женские курсы в Петербурге, преподавала историю в гимназиях. С 1918 — преподавала в средних школах Воронежа, с 1920 — работала научным сотрудником Музея революции в Петрограде, затем — старшим научным сотрудником и заведующим отделом Парижской Коммуны и декабристов в том же музее. Вышла замуж за Германа Германовича Брандта, в семье — сын Борис. В марте 1935 — выслана с мужем и сыном в Саратов на 5 лет.

БРАНДТ Борис Германович, родился в 1912. Окончил среднюю школу в Ленинграде. Студент пятого курса Ленинградского Оптического-Механического Института. В марте 1935 — выслан с родителями в Саратов на 5 лет.

В апреле 1935 — Борис Германович обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<22 апреля 1935>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с просьбой способствовать в восстановлении меня, отца моего и матери, обращенных непонятно, за что, из честных советских тружеников в административных ссыльных г<орода> Саратова. Я, студент 5-го курса Ленинградского Оптического-Механического Института, единственного в СССР, и мой выпуск должен был быть первым нормальным выпуском; мне оставалось 2½ месяца до защиты дипломного проекта, над которым я работал на заводе ГОМЗ им<ени> ОГПУ в Ленинграде, куда направлен был Институтом.

Мне было 6 лет, когда произошла Октябрьская Революция, — вся моя жизнь тесно связана с СССР, и я старался изо всех сил, чтобы, получив знания, с пользой работать в моем социалистическом отечестве. Отец мой — преподаватель математики с 30-ти летним стажем, родился в 1876 г<оду> и вырос в Ленинграде, по происхождению из мещан. Его отец, вынужденный зарабатывать грошевыми уроками на себя и на мать, оставшуюся на его руках, не получил высшего образования и всю жизнь проработал в качестве учителя русского языка в младших классах средней школы. Так как заработка деда не хватало, то моему отцу с 15-ти лет также пришлось зарабатывать средства на жизнь и на учебу. В 1903 г<оду> отец мой кончил Ленинградский Университет, по окончании которого все время занимался педагогической деятельностью вплоть до настоящего времени. Чтобы судить о нем, о его работе, привожу выдержки из его послужного списка за последнее время, когда он был преподавателем математики в Техникуме Соляной промышленности (Ленинград, улица Герцена дом 8):

Приказ № 12-й от 6 ноября 1933 г<ода> по Техникуму Соляной промышленности — Преподавателя математики тов<арища> Брандт Германа Германовича за отличный метод преподавания, за умелое

проведение текущей работы и приемных испытаний, за отличные показатели работы, результатом которых явились хорошая усвояемость и успеваемость студентов, — премировать грамотой ударника и портфелем с монограммой.

Приказ № 39 от 30/IV 34 г<ода> — "Отмечен как лучший ударник".

Приказ № 97 от 6/XI 34 г<ода> — "Преподавателю т<оварищу> Брандт Г. Г. за отличное преподавание своего предмета объявляю благодарность".

Приказ по Главному Управлению Соляной промышленности Нарком<ата> пище<вой> пром<ышленности> СССР от 26/I 35 г<ода> — "Преподавателя Техникума т<оварища> Брандт Г. Г. за умелую энергичную работу с начала организации Техникума объявить благодарность и премировать руб<лей> 200".

Наконец, остается сказать о матери моей, на имя которой был ордер об обыске и об аресте и к которой пристегнули меня и отца моего. На все вопросы матери, обращенные к следователю и к сотрудникам НКВД, следовал неизменный ответ: "Мы Вас ни в чем не обвиняем, виной Ваше социальное происхождение".

Каково же ее социальное происхождение?

Моя мать родилась в семье известного в свое время в г<ороде> Воронеже преподавателя математики и физики. Позднее он был директором Реального училища, на службе получил чин действительного статского советника и с ним дворянство, отнюдь не связанное с каким-нибудь поместьем или какой-либо земельной собственностью. Около 40 лет тому назад, когда моя мать была на втором курсе Высших Женских Курсов в г<ороде> Ленинграде, мой дед по матери умер. По окончании Курсов моя мать занималась педагогической деятельностью: преподавала историю, педагогику в школах, на профессиональных Курсах.

В 1918 г<оду> в Воронеже она была выбрана учительницей истории в Советской трудовой школе, в которой проработала до 1920 г<ода>. В 1920 г<оду> она поступила в Ленинградский Музей Революции, в котором прослужила в качестве старшего научного работника до 1935 г<ода>, работая над документами, потом как заведующая отделами Парижской Коммуны и декабристов. За время пребывания в Музее Революции она вела активную общественную работу: в качестве преподавателя Охраны труда, председателя Р<абоче>-<Крестьянской> К<омиссии>, секретаря Мест<ного> ком<итет>а, вела работу по ликвидации неграмотности, антирелигиозную работу, была также дважды уполномоченным по Секции научных работников. Кроме того, с момента организации экскурсионного дела в Музее Революции она провела несчетное количество экскурсий, состоя на учете Экскурсионной базы, затем ОПТЭ, подвергаясь за это время неоднократной проверке методистов, которые давали о ней благоприятные отзывы, точно также как и сами экскурсанты.

Неужели она заслужила в итоге длительной, честной, добросовестной работы, чтобы ее опорочили, включив в категорию вредных, чуждых людей, отняли у нее профсоюзный билет, лишили ее прав, превратив в административного ссыльного; нанесли ей тяжелый моральный и физический удар (ее здоровье совершенно подорвано).

Что же она сделала, что не только ее, но ее мужа и сына превратили в чуждых, каких-то опасных людей. Уже месяц, как мы в Саратове. Работу пока никому из нас найти не удалось. Совершенно очевидно, что удостоверение, выданное НКВД, внушает опасение, страх, а может быть, имеются и соответствующие директивы.

Прошу Вас, вникните в это дело, способствуя восстановлению трудовой советской семьи, и если уже моя мать виновна в том, что отец ее полстолетия тому назад получил дворянство, то в чем же виноват мой

отец и я. Прошу Вашей помощи в восстановлении нашей семьи и уж, во всяком случае, меня. Помогите мне закончить образование, на которое затрачено много времени, энергии, сил и государственных средств.

Дайте мне возможность применить эти знания на пользу СССР, в котором я вырос и которое является моим отечеством.

Студент 5-го курса оптико-механического ф<акульте>та
Лен<инградского> Оптико-Механич<еского> Института
Борис Германович Брандт.

Мой адрес: г<ород> Саратов, Валовая улица, дом № 49.

22-е апреля 1935 г<ода>»¹.

В мае 1935 — Борис Германович Брандт вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<11 мая 1935>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, в ответ на Ваше письмо от 5-го мая посылаю Вам мотивированное заявление на имя НКВД в 2-х экземплярах и к ним прилагаю 2 выписки из копии трудового списка моего отца, заваренные нотариусом.

Брандт Борис Германович.

11/V 35 г<ода>.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, до своего поступления в Институт я иногда занимался писанием стихов, которые, как весьма слабые, мне неловко посылать Вам, но которые, может быть, больше дадут обо мне представления, чем мое заявление. Посылаю Вам два из них (одно вырвано из блокнота, в котором я их записывал), два подлинника и две копии с них, переписанные на пишущей машинке. Я бы приложил их к заявлению на имя прокурора тов<арища> Вышинского, но не знаю, нужно ли это делать.

Борис Брандт.

11/V 35 г<ода>².

* * *

«Наш первый лозунг — бодрость,
Второй наш лозунг — дело.
Уничтожим взглядов косность
И вперед взглянем мы смело.

* * *

Товарищи. В эпоху обострений
Классовых отношений
Мы должны, сомкнув ряды,
Цепью новых наступлений
Всем буржуйам зажать рты.
Не только внешним, которые жиреют,
В небоскребах сидя,
Но и тем, которые наглеют,
И в деревне, и в городе день ото дня.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 34-35. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 28-28 об. Автограф

Кулачье, затемняя сознание крестьян,
Производит смычку с религией.
Довольно попы, как стадо баран
Поводили народ, под своею эгидою,
Но каждый сознательный
Гражданин Республики
Должен крикнуть: "религия – опиум".
Церкви очистить для детдомов и клубов
Потрезвонили — и довольно.
Кричать во всю глотку;
Идти напролом,
Проводя мысль в жизнь напролом.
Долой затхлый колокольный звон
Перелить колокола на тракторы.
Наша эпоха не фунт изюма.
Наша эпоха – не дыня, не ананас;
И каждый отчетливо должен
Постигнуть –
Кто не с нами
Тот против нас³.

Борис Брандт»⁴.

* * *

«Ясно должно быть, как в небе,
В голове и мыслях наших.
Ведь страницы жизни этой
Путь пробьют к тому, что трактор
Будет весело работать
Во всех селах и деревнях,
И мужик не будет охать,
И не будет больше бедных.
Будет общим коллективным
Все хозяйство всех селений,
И покажется наивным
То, что есть сейчас на свете.
Эх, товарищи, родные,
До тех пор мы не дотянем,
Будем мы уже в могиле
Мы сгнием, мы прахом станем.
Но и что ж, чего тут хныкать?
Мы умрем, другие вступят
В мир свободный и кипучий,
Где работы много будет,
Что мы сделать не успели,
Им доделывать придется.
И в тот век прекрасно-смелый
Ярких дней поток прольется⁵.

Борис Брандт»⁶.

* * *

³ Стихи от 5 февраля 1930 года.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 27-28 об. Машинопись, подпись — автограф.

⁵ Стихи от 3 марта 1930 года.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 130. Машинопись, подпись — автограф.

«Завод

С шумом приборя
Полны же строенья.
Сердце не ноет,
И в эти мгновенья
Шум тот напевный
И шум тот ритмичный
В сердце растопит
Нависшие тучи.

* * *

«Наша эпоха огонь — не банальность;
Кристалльно чиста и тверда, как алмаз
Так долой же, долой же нейтральность,
Кто не с нами — тот против нас⁷.

Борис Брандт»⁸.

⁷ Стихи от 4 марта 1930 года.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 27-30. Автограф.